Горышин Глеб

ВОЗВРАЩЕНИЕ СНЕГА

— Поздравляю, — сказал Горышин после объявления результатов по приему молодых в Союз писателей России, — теперь пойдем в одной упряжке...

Было это во Владимире весной 1996 года на семинаре молодых. Когда огласили итоги, Горышин пригласил вечером заглянуть к нему в гостиницу.

Заочно, по книгам, я знал Горышина давно, по «творческому наследию». «Наследие» это было довольно большое — 30 книг прозы: эссе, критика, рассказы и повести, сборники стихов (последний он прислал мне под Рождество с посвящением). Повесть «Поют на кладбище дрозды», получившая премию Ивана Бунина от Союза писателей России, радовала главным (тем, что ищет каждый писатель) — той бескорыстной созерцательностью, которую находят и чувствуют не многие.

— ...В «наших» издательствах смена поколений трудна, трудней, чем у так называемых «правых», — говорил мне в тот вечер Горышин. — Правое крыло по талантливости слабей гораздо. Зато со сменой поколений там круто: шумнул — и ты уже на гребне, и ты уже «Букер», а шумнуть помогают изрядно, редакторов прикрепляют к молодым. Но и пропадают так же: канул в Лету, и нет, камнем... — И, глядя на нас, загрустивших, подмигнул, потрепал по плечам: — Так что обиды у вас не должно быть, ребята. Просто надо писать очень много и очень талантливо, а слава найдет, приложится. Судя по тому, что представили, вы — ребята даровитые. Перезреть полезней, чем недозреть: во-первых, биться в издательства — закаляет характер, а во-вторых, не будет издано вещей слабых, из-за которых потом стыдно по улицам ходить. По себе знаю.

Посмеялись, ожили, налили сухого вина. Дымили и дымили без конца, надавили окурков в его пепельницу.

— Да мы и не в претензиях, Глеб Александрович...

— Ну как же. Вон он романище какой накатал. А скажи ему, что на две трети сократить надо, — обидится. Ведь обидишься, Володя? И радуйся, что ты еще не нашумел, а значит, тебя не использовали, у тебя все впереди. Ты молод, здоров, талантлив. Известность портит, «распросука-слава», как говорит У.Джеймс... Закричат, замусолят, потом издадут все, что надо и не надо, в том числе и то, что можно бы и лучше бы не издавать. Потом выплюнут и забудут. Навсегда. Впрочем, сейчас такое время, что серьезная литература никому не нужна.

Слова Горышина были весомы и печальны.

— Но ведь это временно.

— Нет ничего более постоянного, чем временное...

Позже я рискнул поинтересоваться у Горышина — так что же было на самом деле тогда в «Авроре», на юбилей Брежнева, просто ли совпадение? Его мнение: да, да, конечно, именно совпадение.

«Совпадение» стоило ему в ту пору (он был зав. отделом прозы журнала «Аврора») обширного инфаркта... Нет, и тогда, в спокойные застойные, все было далеко не так просто, как может показаться теперь.

Горышин поразительно напоминал мне одного из типажей шукшинского фильма. Там очень яркий мужик двухметрового роста вышел вдруг выбивать пыль из ковра.

— ...Вытряхивать... Пашка Колокольников... — подсказал Горышин. — У тебя, Вася, писательская память.

И он стал рассказывать о съемках известного фильма Шукшина на Алтае, о том, как водитель такси вез его километров пятьдесят от трапа самолета.

— А узнав, кого везет, да еще и к Шукшину, и денег не взял, — смеялся Горышин. — Я тогда за эти съемки десятку заработал. И пропил бы, да Шукшин к тому времени не пил уже... Сердце? Нет, сердце у него никогда не болело. Нервы, желудок. Голод затевал нас тогда для жизни. Царь-голод. Здоровенные гули вздувались у Шукшина на скулах, скрипел зубами.

Последняя моя встреча с Горышиным случилась в середине мая 1997 года в Союзе писателей на Комсомольском проспекте, 13. Поговорив, мы сердечно расстались. Я долго смотрел ему вслед, и отчего-то щемило сердце.

Перечитываю сборники его стихов «Виденья» 1990 года, «Возвращение снега» 1996 года — стихи небесно хороши, но и удивительно: даже почти голодая, в возрасте 60 лет он от прозы перерос к стихам. Его преданность русской литературе, всему русскому...

В дни после его ухода из жизни, в апреле, на Москву, Санкт-Петербург опустился, обрушился свежий, необычный снег. Какой-то целебной, удивительной чистоты и силы. Снег. «Возвращение снега» — так назывался последний сборник стихов Глеба Горышина. Это его прекрасное сердце «оглянулось на нас, грешных», как говорят в народе.

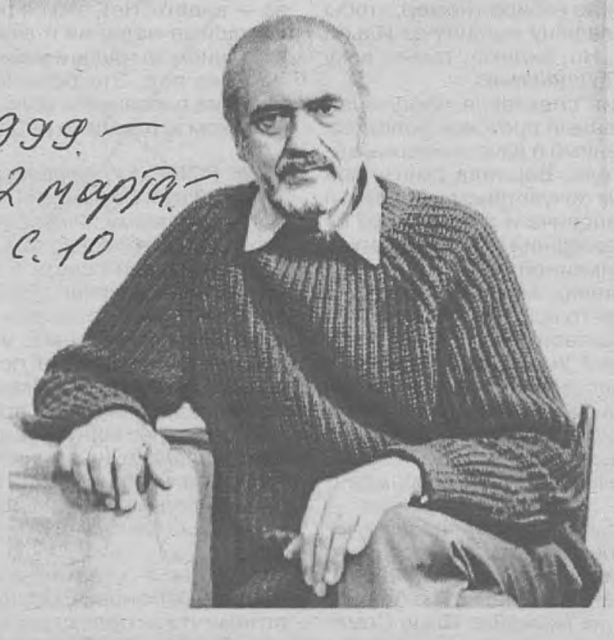
Василий КИЛЯКОВ

г. ЭЛЕКТРОСТАЛЬ,
Московская обл.

Лит. Россия — 1999 — 12 марта — с. 10

ЖИВАЯ

(Еще раз о Глебе Горышине)



Эпистолярное наследие всегда вызывало у читателя едва ли не больший интерес, чем самые яркие произведения писателей. Письма Горышина прямы и точны, «натуралистичны». Натурализм их семантичен честности. Из своего опыта знаю: когда умный, поживший человек «натуралистичен» — тут смотри и слушай в оба.

Говорил и писал Глеб Александрович всегда глубоко и верно. Подмечал точно, с легким юмором. Юмор никогда не покидал его. Вообще, Горышин был прозрачен. Неутомимый путешественник, он бывал в Африке и Америке, не раз — в Китае и Владивостоке. Он все принимал и все разделял с виду легко... Но сердце уже болело...

Горышин ушел из жизни.

Горько, что даже самая высокая философия оканчивается трагедией. Оглядываюсь назад, и трудно понять: то ли мы все потеряли его, то ли он освободился от нас, так часто и много досаждавших даже и просто уважением.

Он многое пережил и простил, написал более тридцати книг прозы и две — стихотворений. Письма его не издавались.

Василий,
спасибо на добром слове. Рассказы ваши, как раньше говорили рецензенты, для книги. То есть можно было составить сборник рассказов и издать. Пристроить рассказ в журнал всегда было необыкновенно трудно, а сейчас просто несбыточно. Нужно владеть «нервом времени» или, еще говаривали, «держать руку на пульсе». В чем сегодня «пульс», «нерв», я не могу вам объяснить, потому что чувствует каждый по-своему. Дело не в выборе темы, героя, времени, а в чем-то другом, в «нерве». В номере первом «Московского вестника» прочел рассказ «Ну, Триша», о том, как бомж с большим членом доводит новую русскую бабу до экстаза, а затем терпит фиаско. Все написано открытым текстом, с полным набором мата. Надо бы возмутиться, протестовать, но рассказ написан с такой подкупающей доверительной правдой, что невольно задумываешься: а может быть, та литература, что была, кончилась, началась вот эта?

Я думаю, самая сильная вещь у вас из присланных — «Голубая кровь». Я знал однóго мужичка, раненного на войне, потерявшего много крови, спасенного переливанием крови. Когда он во хмелю, то был уверен: «Это не я, это во мне кровь чужая говорит...»

Да, не напечатать в Питере, негде. В «Бежин луг» можно бы отдать, но не знаю, и там заваляется. Там журнал делает один Ал-др Апасов-Карпов, к тому же он и выживает. Ему надо давать что-нибудь позаметнее — для введения нового имени в круг авторов. Впрочем, попробую.

Несколько ваших стихов отдал в «Аврору», посмотрим. «Разбирать» стихи я не умею. Мне показалось, что у вас приглажено под Есенина. Лучше бы переворошить. Впрочем, вам виднее. Всего доброго!

Ваш Глеб Горышин.

Василий,
к тому, что сказал в письме, спешу добавить следующее: рассказы «Товарищи» и «Голубых кровей» сдал в «Бежин луг», посмотрим, что выйдет. Но нужно вступительное слово. Пожалуйста, напиши о себе все, что сочтешь нужным, и мне пришли. Из короткого нашего знакомства написать твой портрет у меня нет красок и прежде всего исходных данных. Жду, времени мало, скоро сажать картошку.

С приветом, Глеб Горышин.

Василий!
С Новым годом!
Что нам предстоит, не предвижу, предсказать не берусь.
В прошлом году были приятные мгновения, когда мы сходились на одной странице «Литературной России», туда попала и рыженькая чухонка Яна из Петрозаводска, тоже нашего владимирского семинара. Я ей послал газетку, там у них ее никто в глаза не видывал. Надо полагать, в наступившем году круг чтения еще сузится, того гляди сойдет на нет.

«Юности», которая премировала тебя за публикации, я не вижу. Что помаленьку печатаешься в «Литературной России», хорошо, хотя и не понять, надо ли это. Лучше сказать себе: надо.

Твои два рассказа с моим предисловием Апасов-Карпов говорит, напечатает в первых номерах «Бежина луга». Но будет ли «Бежин луг» и Апасов-Карпов, этого он не знает. Журнал «Аврора» перестал существовать... Но тем не менее надо продолжать начатое. Объявить голодовку писателю — вот была бы потеха. Приходится голодать скрытно. В моем стариковском возрасте это сказывается благотворно.

Желаю тебе в Новом году работы и удачи!

Твой Глеб Горышин.

Василий Киляков, доброго здравия!
Спасибо за теплое письмо, комплименты, хотя и по пустякам, все же утешительны.

*(Письмо это пришло вслед за моим отзывом на книгу Горышина «Возвращение снега», изд. «Дума», 500 экз., которая была издана в Санкт-Петербурге и прислана мне с посвящением: «Василию Килякову с пожеланием написать что-нибудь гениальное. Сердечно. Глеб Горышин». Книга стихов была издана в крайне трудное время для писателя, на его средства. — **В.К.**)*

Василий, твой изысканно-щегольской почерк поражает до глубины души; получаемые мной письма зачастую не поддаются прочтению. Портятся глаза, желудки, характеры, отношения, надо думать, и почерки.

Очень хорошо, что есть человек, ездящий в командировки, — Василий Киляков. Разумеется, я не знаю, куда, зачем, и знать мне этого совершенно не нужно.

Насчет публикаций — нет, в «Москве» ничего не идет. Дело я там имел с двумя дамами: Светой Селивановой и второй, забыл, как зовут, из себя черная брюнетка. Бывали короткие периоды активных сношений, а потом замирало. В «Нашем современнике», № 4, будут «Записки по вечерам», листа 2.

Тут у нас произошли некоторые перемены в журнале «Аврора». В нем редактор Эд.Шевелев, 14 лет просидел на редакторском стуле. В один прекрасный день пришел, а его коллектив провозгласил его смещенным — и выкинули пожилого редактора на неубранный снег и лед. И так было месяца три. Редактор Шевелев подал в суд, мы сообща ему помогали. И присудили ему вернуть ключ от редакции да еще 25 миллионов за моральный ущерб. «Лимоны» взять неоткуда, касса пуста. В редакции был 21 сотрудник, теперь один Шевелев. Да мы с ним. Думали, что и как. Кое-что придумали. Что-нибудь напишешь, что самому понравится, присылай, Василий.

Что у немцев благодать *(я прислал ему свои впечатления от двухмесячного своего проживания в Берлине по приглашению Гете-Института под эгидой радио «Немецкая волна», организовавшего литературный конкурс. Меня пригласили за первое место в жанре «радио-рассказ», я был удивлен внешним лоском и богатством Берлина. — **В.К.**)*, что у немцев благодать, а у нас дело дрянь, так утешаю себя той мыслью, что — слава Богу! — я не немец. Все же быть русским, в этом есть какое-то самоутешение. А что поменяемся местами мы, голодранцы, с теми, что нынче жируют, — нет, лучше не надо, и так все рычат от злобы.

Трудись, будь удачлив.

Твой Глеб Горышин.

«Постскриптум».
В отношении Яны Жемойтель скажу так: девушка владеет чистописанием, начитанна в прозападном отношении, пишет. Ее чухонская субтильность, белые ресницы, веснушки на носу, острые коленки вызывают определенный интерес, не прошло все это и мимо приметливого А.Апасова, «князя», — вот и публикации в «Бежином луге». По этому поводу я был свидетелем сцены ревности: сотрудница-наперсница А.Апасова Ирина Платонова выговаривала ему, шефу: «Знаю я, чем ты там во Владимире занимался с этим молодым дарованием». Ладно, что в ней пока нет злобы, как в Петрушевской, а еще ранее была некая И.Грекова — в наказание нам. Вообще, лит. дамочки — это разряд особый, но и без них тоже скучно. Помню, Шолохов люто ненавидел «ленинградских дамочек» Панову и Кетлинскую. А мне они, та и другая, давали рекомендацию в Союз. Сложная материя, лучше дамочкам помогать, их надолго не хватает, у них слишком «легкое дыхание».

Это так, к слову.

Василий,
хочу сообщить тебе вот что: как мне стало известно, в Воронеже журнал «Подъем» с 1 июля будет выходить на средства гос.бюджета. Главным редактором назначен Иван Иванович Евсеенко, он мне написал письмо с просьбой прислать что-либо из прозы, так как портфель журнала пустой. Я ему послал, что было под рукой, в том числе и рассказы Василия Килякова. «Аврора» только вышла номером 1, надежд на нее пока что нет. И.Евсеенко мне ответил, что В.Килякова прочел, намерен дать несколько рассказов — подборку. Просил меня прислать вводное слово. Такое слово я уже написал для «Бежина луга», будет ли он выходить, большой вопрос. Хорошо бы снять копию с того моего предисловия и отослать Евсеенко. Разумеется, не надо говорить Апасову, что это для «Подъема», он человек мнительный, нервный. Можно ему сказать, что копию снимаю для себя, что про меня написал Горышин. Хорошо бы, если бы ты проделал эту операцию, мне до поздней осени в Москве не быть, а дело пусть движется потихоньку. Понятно, что в предисловии надо кое-что изменить и добавить, по разумению Василия Килякова.

Даю тебе адрес Ивана Ивановича Евсеенко и желаю успеха!

Дорогой Василий!
С Новым годом, спасибо за письмецо. Поздравляю тебя с прибавкой потомства (*родился сын.* — **В.К.**), кто-то же должен выполнять этот главный гражданский долг.

В отношении публикаций много неясностей. Вышел ли № 4 «Бежина луга» с твоими публикациями — не знаю, Апасов куда-то завалился. Есть ли в другом номере твой рассказ с моей вводкой? Не видать ни зги. Единственное, что остается необменное, так это классика.

Перечитал Достоевского, прочел замечательный роман Лескова «На ножах», теперь перечитал Тургенева, очень интересно. Того гляди, возьмусь за Гончарова. Помаленьку печатаюсь: в № 4 «Русской провинции». «Кое-что о Достоевском» в № 7 «Авроры», три рассказа должны быть в первых номерах «Москвы». Никто ни копейки не платит, собаки. Да и сами воют на луну.

На тебя надёжа в предстоящем и будущих годах. Порадей для русской словесности.

Сердечно твой Глеб Горышин.

ДУША